УДК 294.3

ББК 86.39

DOI 10.31554/2222-9175-2020-40-179-184

Л. Л. Абаева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ БУРЯТСКОГО СОЦИУМА (взгляд современника)

Генезис культурной идентичности бурят как исторически сложившегося этносоциального организма – это все же вектор и контекст кочевой культуры с собственным мировоззрением и мировосприятием, выработавшие особую и специфическую форму этнической психологии, ментальности и традиционных ценностей. В качестве общего традиционного культурного наследия среди практически всех бурят сохраняются основные его элементы: знаки, символы, язык, ценности, социальные нормы, представления о мифологическом и реальном, поведенческие нормы, этикет, обычаи, традиции, ритуалы. Этносоциальные процессы, произошедшие внутри бурятского этноса (советизация, коллективизация, репрессии, конфессиональная нетерпимость, урбанизация и пр.), оказали трансформирующее воздействие на мировоззренческие и поведенческие сферы их этнокультурных традиций, изменив ментальность и ценностные ориентиры, выявив при этом особую специфику этносоциального и этнокультурного фона и этнических идентификационных характеристик.

Ключевые слова: исторические вехи, этническая идентификация, самоидентификация, ментальность, трансформация, культурная идентичность, конфессиональная компетентность.

L. L. Abaeva

HISTORICAL MILESTONES OF ETHNOCULTURAL AND CONFESSIONAL PROCESSES IN THE VECTOR OF EVOLUTION OF THE BURYAT SOCIUM (contemporary view)

The genesis of the cultural identity of the Buryats as a historically established ethno-social organism, however, is a Nomadic culture with its own worldview, which has developed a special and specific form of ethnic psychology, mentality, and traditional values. As a common traditional cultural heritage among almost every Buryat, the main elements are preserved: signs, symbols, language, values, social norms, ideas about mythological and real, behavioral norms, etiquette, customs, traditions, rituals. Ethnosocial processes that took place within the Buryat ethnic society (Sovietization, collectivization, repression, confessional intolerance, urbanization, etc.) had a transforming effect on the worldview and behavioral spheres of their ethnocultural traditions, their Lifestyle changing mentality and value guidelines, revealing a special specificity of the ethno-social and ethnocultural background and ethnic identification characteristics.

Keywords: historical milestones, ethnic identification, self-identification, mentality, transformation, cultural identity, confessional competence.

АБАЕВА Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН» (г. Улан-Удэ, Россия). E-mail: luba-abaeva@mail.ru.

Исторически сложившиеся этнические феномены, став предметом философского, культурологического и социологического осмысления, на наш взгляд, изначально сопровождали, сопровождают и, надеюсь, будут сопровождать социальный вектор развития любого социума, включая в т. ч. уже имеющиеся достаточно полные и обстоятельные описания специфики культуры, особенности быта, систему ценностей, нравственных императивов, поведенческих особенностей и ментальных характеристик.

Буряты представляют один из самых крупных этносов (народов), в настоящее время населяющих регион Восточной Сибири. Являясь самой северной составной частью (*Ара Монгол*) монгольской метаэтнической общности (*Хамаг Монгол*), фактически буряты (прежний этноним *буряад-монгол*) после проведения границы (1727 г.) оказались вне пределов своего материнского этносоциального и этнокультурного ядра. В настоящее время буряты представляют собой исторически сложившийся самостоятельный этнос, в этническую структуру которого входят племенные объединения: булагаты, эхириты, хори, хонгодоры и большой этнический конгломерат южных бурят, в структуру которого входят роды и племена как монгольского происхождения, так и предбайкальского. Этническая история и культура бурят многокомпонентны и многогранны. В формировании идентичности и культурной компетентности бурят большую роль имеют их этнокультурные традиции, сформировавшиеся в глубине веков и на определенном историческом этапе развивавшиеся достаточно автономно. В первую очередь в определении этнокультурной идентичности бурят играет роль аксиологический ряд их ценностных ориентиров и приоритетов.

В определении, выявлении и анализе ценностных ориентаций и систем каждого конкретного этнокультурного и социокультурного сообщества одним из доминирующих приоритетов является аксиология, выстраивающая в хронологических срезах (как синхронных, так и диахронных) целые комплексные ряды, которые в каждой конкретной этнической культуре характеризуются специфическим набором и иерархией ценностей и приоритетов и которые выступают как целостная система социальной регуляции достаточно высокого уровня. При этом аксиология как самостоятельная область культурной традиции присутствует или возникает лишь тогда, когда понятие культуры как феноменальной категории этничности и идентичности представляется в двух аспектах: реальности, в которой оказалась та или иная этническая или социокультурная общность, и теории и практики ценностей этих общностей. Процессы взаимодействия двух основных тенденций в развитии современного общества: культурной унификации, обусловленной процессами отчуждения, миграции и глобализации (создание единой, не всегда оправданной, информационной системы и становление массовой культуры), и специфики видоизменения этносоциального и этнокультурного фона и этнических идентификационных характеристик, и параметров бурятского этноса в контексте многообразия форм индивидуальной и социальной идентификации в синхронном и диахронном срезах не всегда однозначны, иногда вступают в некоторое противоречие друг с другом, иногда одна тенденция доминирует над другой [Абаева 2011].

Со дня образования Бурят-Монгольской АССР (30 мая 1923 г.) на территории республики проживали 91 % всех бурят страны. Старомонгольская письменность, общая для всех монгольских народов, была принята как базовая, однако уже в 1931 г. бурятский язык был латинизирован, а в 1939 г. переведен на кириллицу [Абаева 2008]. В 1937 г. в результате административного переустройства республика была разделена на несколько частей. Часть бурятских территорий отходит к Иркут-

ской и Читинской областям (Усть-Ордынский и Агинский бурятские национальные округа), однако некоторые районы, где компактно проживали буряты: Ольхонский, Качугский, Хилокский, Ононский и др., остались за пределами национально-государственного образования, а их население оказалось оторванным от своих этнокультурных центров. Все эти территории в настоящее время в научной литературе принято именовать «этнической Бурятией». Однако за пределами этнической Бурятии компактно проживает немалое количество бурят, образуя диаспоры.

Диаспоры бурят рассматриваются нами как компактные этнические группы, находящиеся в иноэтничной среде, на иной территории, по сравнению с историко-культурным обликом и массивом представителей материнского этнического ядра. Территориальные этнические анклавы бурят фиксируются в Монгольской Народной Республике, Внутренней Монголии КНР (практически родственная этнокультурная среда, диалектальные различия), Российской Федерации, странах СНГ, США, Франции, Германии, Канаде, Испании, Португалии и др. («чужая» территория и инокультурное окружение). Актуальность миграционных процессов бурят, формирования и эволюции бурятских этнических групп и диаспор, в т. ч. и зарубежных, диктуется и социальной практикой: необходимостью постижения исторической роли, статуса бурятских этнических групп в странах-реципиентах, освещения их этнокультурных особенностей и самоидентификации как конкретных субъектов бурятского этноса, долгое время остававшихся анонимными в рамках «больших» этносоциальных теорий [Абаева 2013а, б].

Этносоциальные процессы, происходившие внутри бурятского этноса (советизация, коллективизация, репрессии, конфессиональная нетерпимость, урбанизация и пр.), несомненно, оказали трансформирующее воздействие на мировоззренческие и поведенческие сферы их этнокультурных традиций, в какой-то степени изменив этнокультурную идентичность и традиционные системы ценностей. И хотя этносоциальные процессы любого сообщества прежде всего касаются экономических, политических параметров конкретного сообщества, в результате все же меняется и вектор их традиционных социальных и культурных характеристик. В первую очередь, как правило, инициаторами и инспираторами подобных изменений и трансформаций являются элиты конкретных этнических сообществ, обуславливая тем самым трансформацию традиционного мировоззрения, изменяя специфику культурного генома, ядром которого являются идентичность и ценностные ориентации. Динамика развития, трансформации и модернизации этнических культур на рубеже веков регистрирует феноменальную ситуацию, когда самоидентификация конкретных этнических субкультур и культур потеряла многие классические парадигмы теории и практики, присущие этносам. Например:

- 1) некоторые этносы оказались вне рамок своих автохтонных территорий;
- 2) доминирующий хозяйственно-культурный тип в силу объективных социальных причин, естественно, изменился;
- 3) язык как средство коммуникации и как целостная информационная система, включающая в себя не только язык жестов и мимики, а также огромный пласт языка культуры, долженствующий адекватно воспринимать конкретные культурные феномены, пребывает в довольно критической ситуации;
- 4) культура со всем своим производительным и творческим потенциалом, как традиция, как трансляционная структура представляет фрагменты и реликты собственно этнической культуры;
- 5) произошло размывание феномена этнического самосознания, а также того особого целостного психологического склада, который, выражаясь современным

языком, можно квалифицировать как этнический менталитет. При этом две последние категории – этническое самосознание и менталитет (или ментальность этноса) с точки зрения классической культурной антропологии имеют решающее значение в развитии этноса [Абаева 2011].

Буддийская культура как комплекс буддийских теорий и практик занимала важную роль в жизни бурятского этноса, являясь одной из самых главных надстроечных духовных систем их этноконфессиональных традиций. Исторические документы подтверждают, что благодаря административным усилиям (в целом негативным и имперским) царского правительства в эволюции буддизма в Бурятии появляется феномен «штатных» и «нештатных» лам при центральных монастырских комплексах и небольших дацанах, что отнюдь не способствовало благоприятному климату внутри Буддийской сангхи этнической Бурятии [Архив востоковедов... Ф. 44. Оп. 1. Д. 128. Л. 7]. Однако те же архивные данные свидетельствуют, что именно при участии и содействии царской административной системы формировалась автокефальная Буддийская традиционная сангха этнической Бурятии. Более того, «Положение буддийского духовенства 1946 года», которое после долгих годов репрессий определило статус буддийской церковной организации и ее последователей-мирян, «получило» юридическое оформление со стороны Российского государства, которое в начале XVII в. было крайне заинтересовано в сохранении мирных отношений с Китаем и потому решило избавиться от «ненужных внешних влияний», запретив буддистам Бурятии иметь какие-либо связи со ставшими уже традиционными буддийскими центрами в Монголии и Тибете «под страхом смертной казни» [ЦГИА СПб. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1139; Оп. 133. Д. 514, Л. 13–14; Иркутские епархиальные ведомости 1884 № 38]. Вследствие этого традиционная Буддийская сангха России исторически последовательно придерживается тенденции автокефального развития в современный период. Однако впоследствии в результате конкретных исторических и особенно социальных процессов, произошедших на территории этнической Бурятии, Калмыкии и Тувы в XX в., обусловивших совсем иные условия развития буддийской культуры, в локусе России все же произошла некоторая специфическая трансформация ценностных императивов традиционной Буддийской сангхи России.

На определенном этапе этнокультурной истории бурят в структуре буддийской теории и практики фиксируются два вектора социокультурной адаптации буддийской культуры – собственно монастырская (монашеская) – с полным набором классических знаний буддийского канона и народная – с набором наиболее популярных представлений о буддизме, его ритуальных практиках, проникших и закрепившихся в ментальности большинства представителей бурят-мирян. Все это несколько не умаляет и не дискредитирует народную форму буддизма. Данный феномен присущ всем мировым формам религии – и христианству, и исламу. Здесь важно то, что буддийская культура в этнокультурной истории бурят выступила как феномен социальной консолидации, регуляции, мотивации и как своего рода маркер их повседневной деятельности в системе жизнеобеспечения, став универсальным источником морали, нравственности, этических и эстетических ориентиров. Будучи достаточно развитыми социальными институтами в дореволюционной Бурятии, буддийские монастыри играли огромную роль в жизни бурятского народа, являясь своеобразным регулятором его политической, социальной и культурной жизни. Такие составные части духовной культуры бурятского этноса, как литература и искусство, нормы поведения, привычки и традиции, в какой-то степени несли на себе печать религиозных знаний и практик. Поэтому неудивительно, что даже в повседневном

народном сознании, представлениях и мировосприятии буддизм ассоциировался с их этнической идентификацией и конфессиональной компетентностью. Буддийские монастыри, исполняя интегративные и коммуникативные функции, представляли собой символ единства всех бурят, были носителями их идентичности и маркерами этнической культуры. Вековая традиция передачи религиозных знаний и практик, как и проявление этнической идентичности в религиозных формах, обусловили сложный процесс дифференциации этнического поведения от религиозных практик, так и не усвоив в этом контексте элементы секуляризации [Абаева 2015].

Известно, что благодаря специфике религиозно-философского учения буддизма и его многочисленных практик это учение и практики глубже всего проникли в сферу семейно-бытовых и элементарных норм и повседневных отношений бурят. Более того, шаманские традиции, инкорпорированные буддизмом, все еще существуют, но крайне отличаются от классической формы шаманизма бурят, восприняв на этапе атеизации бурятского общества вариант тунгусо-маньчжурской (в данном случае эвенкийской) шаманской традиции. Феномен отделения этнического от религиозного в настоящее время представляется достаточно сложным и длительным процессом, требующим не только политического такта, но и глубоких знаний этнокультурных традиций и социальных стратегий бурят, а также их этнопсихологических особенностей. Феноменальным является также и то, что бурятский этнос уже на раннем историческом этапе адаптации некоторых (не всех) постулатов буддийской теории и практики все же эволюционно интегрировался уже в рамках буддийской культуры, восприняв не только буддийскую обрядовую и культовую практики, но и всю ее доктринально-философскую систему, органично внося в их канву и добуддийские религиозные знания и практики. Именно благодаря успешной контактации буддизма с локальными верованиями и культами возникает органически целостная и уникальная в своем роде этноконфессиональная компетентность бурят.

Культурная идентификация и компетентность, ценностные императивы и этническое самосознание элиты бурятского этноса в определенные исторические моменты подверглись трансформации традиционной идентичности соответственно существующей системе этнокультурного окружения, естественным и эволюционным образом сокращая и изменяя при этом прежние мотивации и ценности, обретая многие характеристики урбанизированного социума. Вследствие вышеуказанных причин на современном этапе необходима та или иная степень корреляции этих феноменов. При этом процесс корреляции непосредственно зависит от конкретных запросов этнической культуры, втянутой в современные интеграционные и дезинтеграционные процессы, от доминирующих ценностных ориентиров, присутствующих в поликультурном сообществе на сегодняшний день, степени сохранения и восстановления исторической памяти на уровне генофонда в контексте существующих этнокультурных запросов, влияния различных информационных потоков на сознание современного бурятского социума.

Работа выполнена в рамках государственного задания России (проект XII.191.1.3 «Комплексное исследование религиозно-философских, историко-культурных, социально-политических аспектов буддизма в традиционных и современных контекстах России и стран Центральной и Восточной Азии» № АААА-А17-117021310263-7).

Источники и литература

Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН): ф. 44, оп. 1, д. 128, л. 7.

Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ): ф. 248, оп. 4, д. 71, л. 38.

Иркутские епархиальные ведомости. – 1884. – № 38. – С. 7–8.

Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Абаева Л. Л. Кириллица как социокультурный феномен взаимодействия оседлой цивилизации с кочевой / Л. Л. Абаева // Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. «Россия в Монголии: история и современность» (г. Улан-Батор, 8–9 апреля 2008 г.). – Улан-Батор, 2008. – С. 214–219.

Абаева Л. Л. Идентичность в локусе бытия монгольских народов / Л. Л. Абаева // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В. А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 425–438.

Абаева Л. Л. Аксиологические доминанты бурятской диаспоры во Внутренней Монголии Китая / Л. Л. Абаева // Власть. – 2013а. – № 8. – С. 90–93.

Абаева Л. Л. Аксиологические доминанты этнической группы бурят в Республике Монголия / Л. Л. Абаева // Власть. – 2013б. – № 5. – С. 72–75.

Абаева Л. Л. Монгольские народы в векторе адаптации буддийской теории и практики / Л. Л. Абаева // Буддын мэдлэг Ухааны Хогжилд Монгол Мэргэдийн оруулсан хувь нэмэр. Олон Улсын Эрдэм шинжилгээний Хурал (Илтгэлүүдийн эмхтгэл). – Улаанбаатар, 2015. – Х. 172–183.

References

Arhiv vostoavedov Instituta vostochnyh rukopisej RAN (AV IV RAN): f. 44, op. 1, d. 128, l. 7.

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Buryatiya (GARB): f. 248, op. 4, d. 71, l. 38.

Irkutskie eparhial'nye vedomosti. – 1884. – № 38. – С. 7–8.

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv g. Sankt-Peterburga (CGIA SPb).

Abaeva L. L. Kirillica kak sociokul'turnyj fenomen vzaimodejstviya osedloj civilizacii s kочеvoj / L. L. Abaeva // Sb. mat-lov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Rossiya v Mongolii: istoriya i sovremennost'» (g. Ulan-Bator, 8–9 aprelya 2008 g.). – Ulan-Bator, 2008. – S. 214–219.

Abaeva L. L. Identichnost' v lokuse bytiya mongol'skih narodov / L. L. Abaeva // Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znanii: k 70-letiyu akademika V. A. Tishkova. – M.: Nauka, 2011. – S. 425–438.

Abaeva L. L. Aksiologicheskie dominanty buryatskoj diasporы vo Vnutrennej Mongolii Kitaya / L. L. Abaeva // Vlast'. – 2013a. – № 8. – S. 90–93.

Abaeva L. L. Aksiologicheskie dominanty etnicheskoj grupy buryat v Respublike Mongoliya / L. L. Abaeva // Vlast'. – 2013b. – № 5. – S. 72–75.

Abaeva L. L. Mongol'skie narody v vektore adaptacii buddijskoj teorii i praktiki / L. L. Abaeva // Buddyn medleg Uhaany Hogzhild Mongol Mergedijn oruulsan huv' nemer. Olon Ulsyn Erdem shinzhilgeenij Hural (Iltgeluudijn emhtgel). – Ulaanbaatar, 2015. – H. 172–183.